

Всемирное поэтическое движение "Мир без стен" (WPM) основано в 2013 году для того, чтобы объединить поэтов более чем из 150 стран мира. Главным координатором движения в России является поэт, член Союза писателей России Вадим Фёдорович Терёхин. "Мир без стен" считает наиболее важной задачей предоставить каждому поэту возможность почувствовать себя частью единого поэтического пространства, развивать коммуникацию между поэтами различных народов и национальностей. Пропаганда мира без войн посредством поэзии – приоритетная цель движения.

Представляем на суд читателей литературные переводы стихотворений колумбийского поэта Генри Александра Гомеса, выполненные Еленой Машуковой в рамках проекта World Poetry Movement.

ГЕНРИ АЛЕКСАНДР ГОМЕС

Генри Александр Гомес – Henry Alexander Gómez (Богота, 1982). Магистр литературного творчества Центрального университета и магистр социальных наук Районного университета имени Франсиско Хосе де Кальдаса. Является директором литературного фестиваля "Взгляд через чернила". Руководитель районной мастерской поэзии "Город Богота" в 2018 и 2019 годах. Лауреат Национальной поэтической премии Университета Экстернадо Колумбии, Национальной премии Дома поэзии Сильвы и Международной поэтической премии Хосе Верона Гормаза Испании за книгу "Трактат о заре" (2016). Другие изданные книги: "Мемориал ёлки" (2013), вторая национальная поэтическая премия "Неизданное произведение"; "DiabolusinMusic" (2014), Национальная поэтическая премия имени Сиро Мендия; «Ночь едва дышала» (2018), Почётное Международное литературное упоминание Сур Хуана Инес Креста и финалист Национальной поэтической премии Министерства культуры. Является соучредителем и редактором Латиноамериканского поэтического журнала "Ла-Корень инверсия" (www.laraizinvertida.com)

В ДИАЛОГЕ С ЖИЗНЬЮ

EN EL LOMO DE LA VACA EL VIENTO REVUELTO EN UN SUDARIO DE ESPUMAS НА СПИНЕ КОРОВЫ ВЕТЕР КАТАЛСЯ В РУБАШКЕ ИЗ ПЕНЫ

Это было утром и вечером. Когда-то я помогал бабушке Анне собрать и привести коров с пастбища в хлев, из хлева на пастбище.

Мы проходили половину деревни, пасли коров, которые были похожи на большие Божьи пальцы.

Я и мои пять лет, и ветка дерева вместо кнута.

Солнце медленно поднималось по синим пятнам коров, и под их неуклюжими шагами дышало пылью эхо сна.

Камни, верхушки деревьев, горстка досок и заборы.

Я терпеливо смотрел, как они пасутся, погружая луны копыт в сплетение травы.

А в глазах коров – пустота света, тайна, в пепле которой медленно пульсирует сердце дня.

А потом корова Ласточка пошла к реке. Магия воды, как верёвка, потянула её за собой с бесконечным азартом.

Я видел, с какой радостью бежала она сквозь поток. Она замычала, и её голос был похож на звук барабана, kloкочущего в горле. Окаменелость, рождённая в глубине звучания Вселенной.

Корова плыла вниз по реке, а бабушка бежала за ней по берегу, по высокой мокрой траве, и отчаянно звала её. Она боялась, что сумасшедшая корова утонет.

Мои пять лет и бабушка Анна были причиной безумных фантазий. На спине коровы ветер катался в рубашке из пены.

Это было прекрасное время. Река уносила влажные скелеты листьев, сломанные ветки, увлекая за собой мои пять лет и невидимые крылья коровы Ласточки, всё это сопровождалось открытыми ртами и мельканием ног.

Нынче закаты плывут в очаровании бриза из мёртвых рыб.

Говорят, коровы похожи на мечты грустных людей, они не перестают размышлять о своём одиночестве на любом шатком балконе жизни.

На берегу, около разбитого камня, до сих пор колышется корова Ласточка, глотая осколки света. Мычи, пока можешь.

GALLINAS КУРЫ

А Фелипе Гарсия Кинтеро

Каждое утро
открывает для меня мгновения
творческой игры,
это кудахтанье мира
с одним благородным идиотом.

Неповторимый танец пера
рассказал мне о потерянном родстве,
о решимости быть стёртым ветром памяти.

Тогда я понял сложность задачи
преодолеть
сопротивление воздуха
в поисках земной музыки.

Это правда, что куры
нашли ось дня,
пуговину,
которая удерживает свет.

Подобно им, я пишу о радости
быть упавшей птицей.

PARÁBOLA DEL PADRE ПРИТЧА ОБ ОТЦЕ

Отец постоянно погружается в самые
экзотические занятия.
В молчаливом диалоге с жизнью,
в бесконечном странствии
по Запретному порядку вещей,
он выступил в роли разрушителя
собственных стереотипов,
чтобы построить на горе огромный воздушный замок.

Однажды он купил прялку для прядения облаков.
Он говорит, что на площади он вполне может открыть
небесный бизнес для подвыпивших людей.
Он часами стучал по педали,
выпрядал день,
сматывал шерстяные клубки.
Постепенно он выткал всю кромку неба,
но не заработал ни одной монеты.

На другой день
он починил старую машину,
чтобы покорить одиночество дорог.
На ней он проедет мимо дымящих заводов,
откроет заповедные страницы великих гор,
пока не достигнет Гаваны
или Нью-Йорка.
Но ночь застала его лежащим на обочине дороги,
чтобы отремонтировать ржавый двигатель.

Редкие дела выполнял мой отец,
возделывал потрясающие фантазии,
торговался с забывчивостью,
месил тесто
для инспектора картофельных чипсов,
он писал прощальные письма домохозяйкам,
даже точил карандаши для упрямцев бюрократов
в суде страны,
которой нет ни на одной карте.

Сегодня я понимаю, что мой отец по-своему поэт,
он ценит поражение,
как тот, кто хранит
в бумажнике забытые слова.

Сам того не сознавая, отец,
с каждым бесполезным делом,
подтверждает мою благородную роль в мире:
ремесло писателя,
в каждое мгновение,
искусство потери.

GASMOSTAZA ГОРЧИЧНЫЙ ГАЗ

Полотно прокажённого неба
опустилось к подножию гор,
закружилось, как юбка, растворилось в потоке
и окутало нас.
Лейтенант передёрнул затвор,
расстреляв из гранатомёта
пелену, будто двери закрыл в лабиринт,
там, где плющ заблудился в истоке.
Разрываясь, гранаты слепую тюрьму
подожгли, но всё туже сжимала
нам шеи петля дымовой верёвки,
пока мы выкашливали лёгкие.
Даже ливень хлестать перестал,

ручейками по каске стекал,
будто вместе со мною искал
через жгучую маску
дырочку, чтобы дышать.
Ад швырнул снаряжение оземь.
И тогда рядовой Ораско
прокричал, разрывая сердце:
Дева Мария, прошу,
завяжи мне шнурок на берце.
На винтовках испарина стала для нас кислородом.
Автомат пристрочил мои кости
к усталой ухмылке войны.
Больше нет невредимых, теперь представляют опасность
даже следы от ногтей на известняке стены.

– Здесь больше нет новобранцев, – прокричал лейтенант Рохас. –
Только что вы стали солдатами вооружённых сил Колумбии.

Мы проснулись в гимнастёрках из ненависти, –
постаревшие дети, изгнанные из рая,
с созвездием ломаных теней за ушами.

В нашем мире – высокий риск, что ты станешь солдатом,
и это сулит нам победу.

Вещи утратили свой натуральный цвет, всё изменилось.